

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В XX ВЕКЕ:
ИМЕНА, ПРОБЛЕМЫ,
КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

ВЫПУСК 9

«Отцы» и «дети» в русской литературе XX века

Томск
Издательство Томского университета
2008

П. Каминский

ПРОБЛЕМА РАЗРЫВА СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. РАСПУТИНА (1990–2000)¹

Взаимоотношения поколений отцов и детей – одна из центральных проблем в творчестве В. Распутина («Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Пожар», «Дочь Ивана, мать Ивана» и др.). Одновременно с художественной прозой эта проблема концептуально решается и в публицистике писателя с ее прямым авторским словом, открывающим размышления о взаимоотношениях отцов и детей, о характере их связей в различные исторические периоды. Как и другие аспекты мировоззрения В. Распутина, реконструируемые в его публицистике, философия связей между поколениями формируется на основе натурфилософских идей писателя, представлений о взаимосвязи человека (социума) и природы.

В раннем – журналистском² – творчестве В. Распутина утверждает преемственность поколений, которая реализует этику социального долга сыновей отцам. С открытием глубины связей жизни человека и организации Вселенной (в цикле очерков и рассказов о Тофаларии³) связь поколений приобретает онтологическое обоснование. Человек включен как звено в непрерывной цепи поколений⁴, как элемент иерархически организованной структуры бытия. Семья – часть родового, развернутого во времени, и часть национального, развернутого в пространстве, космосе, происходит и организована по законам онтологии. В автобиографическом очерке «Откуда есть пошли мои

¹ Работа выполнена в рамках проекта МК-3369.2008.6 «Модернизация России конца XX – начала XXI вв. и мировоззрение русских классиков (на материале публицистики В. Астафьева, С. Залыгина, В. Распутина)», поддержанного грантом Президента РФ.

² *Распутин В.* Костровые новых городов: Очерки. Красноярск, 1966. 100 с.

³ *Распутин В.* Край возле самого неба: Очерки и рассказы. Иркутск, 1966. 66 с.

⁴ *Распутин В.* Сибирь, Сибирь... М., 1991. 304 с. Переизд.: Иркутск, 2000. 256 с.; Иркутск, 2006. 576 с.

книги» писатель оценивает родителей (мать и бабушку) как проявление животворящей природы, жизненной энергии, подобной энергии реки¹. Связь поколений выступает как онтологический закон преемственности и обеспечивает, с одной стороны, самовоспроизведение народа в истории, с другой стороны, целостность бытия. Исполнение закона преемственности определяет традиционная родовая этика, этика осуществления каждым индивидом сверхличностного долга по созданию жизни для последующих поколений, а осознание себя частью рола позволяет индивиду переживать свое существование как части природно-космического универсума. Императивный диалог между поколениями может отсутствовать, поскольку каждому поколению предписан априорный опыт отцов, не подверженный коррекции.

В оценке писателя современная эпоха связана с нарушением онтологического закона и принципов должностования, с забыванием опыта предшествующих поколений и потерей преемственности. Утрата сверхличного императива, моральный релятивизм современности приводит к утрате этической ориентации человека в бытии. В период «перестройки» и в последующие годы восприятие В. Распутиным отношений, складывающихся между поколениями, становится крайне трагическим, современное состояние социальной жизни отвергается как противоестественное и соотносится с социальными катастрофами в национальной истории, подтверждая историософские идеи, формируемые в публицистике с конца 1970-х годов². Социальный хаос можно считать причиной творческого кризиса писателя 1990-х годов. В публицистике В. Распутина этого периода проблема отцов и детей становится наиболее актуальной, обуславливая постоянные инвективы писателя современному молодому поколению.

В 1994 году, под впечатлением от перелета из Иркутска в Москву, В. Распутин пишет очерк «Россия молодая», в котором оппозиция старого и нового, «прежних» и нынешних времен заявлена как метафора доступности/недоступности связей людей, авиаперелетов³. Кон-

¹ См.: *Распутин В.* Откуда пошли мои книги // Русская беседа. Иркутск, 2007. № 2—3 (19—20). Февр.—март. С. 12.

² *Распутин В.* Сибирь, Сибирь... См. также: *Распутин В.* Россия: дни и времена. Публицистика. Иркутск, 1993. 161 с.

³ *Распутин В.* Россия молодая // Иркутская жизнь. Совм. вып. ред. газ. «Говорит и показывает Иркутск» и пресс-центра гор. администрации. 1994. С. 3—6. Далее очерк цитируется с указанием страницы этого издания [ИЖ. С.3].

статурия свершившееся социальное расслоение общества на бедных и богатых («новоиспеченных толстосумов» и «прочих»), автор оценивает возникший социально-психологический тип современного молодого человека. Молодых пассажиров самолета – коммерсантов, летящих в столицу за товаром, – В. Распутин рассматривает как воплощение и выражение утверждающегося мироотношения современных молодых людей. Демонстративное поведение «тружеников киоскового изобилия», их «порочные манеры», обильное употребление мата В. Распутинным характеризуются как родовые черты нового поколения, поколения охоты, покорения, а не служения и заботы: «...устремленность этих молодых по большей части людей была иного свойства – какая-то охотничья, дерзкая»; «...на лицах впечатанная небрежность, движения порывистые, резкие, глаза с быстрыми прицельными взглядами» [ИЖ. С. 3]. Писатель интерпретирует их общность как общность «захватчиков», «экспедиционного отряда», направляющегося «к месту события». В авторской антропологии этот образ соотносится с типом «кочевника» и «архаровца» («Пожар», «Громкое имя – Сибирь», «Моя и твоя Сибирь» и др.). Номинативы «архаровец», то есть «бродяга», «оборванец», «отчаянный» и «изворотливый» человек, как и более нейтральное определение «кочевник» в публицистике В. Распутина, выражают семантику варварства, предполагают неукорененный способ существования в обществе и природе, осознанный нигилизм и аморализм.

Молодым «купцам и подкупечникам» противопоставлен образ «прочих» – отставной военный из Риги с женой, «такие же, как я, разночинцы, осколки прошлого...» [там же]. Важен социальный статус попутчика – военный пенсионер, т.е. человек, в прошлом исполнявший долг ныне уже не существующей стране; и возраст – пожилой человек. Нарочито сниженное определение «прочие» указывает на их маргинальное, периферийное положение в новых социально-экономических и социокультурных условиях, когда старшее поколение становится невостребованным. С другой стороны, эпитет «прочий» у чуткого к этимологии писателя сохраняет семантику «остатка впрок», то есть намек на то, что опыт старшего поколения может стать востребованным; современная его ненужность означает отступление от безусловных законов.

Перемещение в пространстве по воздуху, предполагающее отрыв от земли, соответствует переходному состоянию жизни, смене социальных норм и приоритетов, кризису ценностей. Полет предполагает возвращение на землю, но возвращаться некуда, и старшее поколение, не вписывающееся в новое устройство жизни, становится бездомным, лишенным возможности следовать своим принципам существования. Прежнее государство прекратило существование, оставшие (оставленные, а не отказавшиеся от службы) его слуги оказались везде в чужой стране: «Должно быть, для соседей моих, возвращающихся в Ригу, вопрос решен: России нет. Искать пристанища по кровному родству негде. Там глухая нелюбовь, подчеркнутая, рассчитанная <...> здесь – разгул нравов, выплеснувшихся со дна» [ИЖ. С. 6]. Произошел распад не только Советского Союза, государства, но и России, его духовного субстрата. Молодежь строит свою страну, свою мораль, свою культуру, демонстративно оторвавшись от основы, от земли.

Происходящее в замкнутом пространстве авиалайнера В. Распутин проецирует на социальную реальность современной России, определяя вектор социально-исторических и культурно-нравственных сдвигов: отмена нравственности и элементарных норм поведения («даже библейские заповеди занесены в старорежимное тягло, стесняющее, как кандалы, свободу человека, наконец-то ущемленного безних» [ИЖ. С. 3]); «социальное пиратство», захватившее «дрейфующие государство», «паханство», выпущенное на волю и получившее простор для утверждения своих законов, по которым людской мир состоит из своих, «воров», и предателей, «сук» [ИЖ. С. 6]. Отсутствие аргументации инвектив, что присуще публицистике писателя в этот период, выявляет психологическое состояние автора, интонацию отчаяния: цель автора – выразить эмоциональное отношение, а не дать анализ реальности.

Акцентируется абсолютная противоположность способов жизни и систем ценностей отцов и детей. Отделяя себя от молодого поколения, относя себя к «прочим», автор отказывается не только от диалога, но и от знаний о новой действительности: «Странно, однако же, нечему мне неинтересно знать, что такое маркетинг. Что-то из основ новой жизни... Не мое, меня от этой жизни уже отбило. Правила специальных движений для достижения успеха, для которого я не гожусь...» [ИЖ. С. 6]. В столь категоричном осуждении, безусловно, выражена

озабоченность автора торжеством чуждых нации жизненных ценностей, основанных исключительно на стремлении к материальному обогащению, но конфронтация с молодым поколением не оставляет возможности для передачи иных духовных мотиваций в условиях стирания национальных основ культуры. В. Распутин фиксирует необратимое «перерождение человека в какое-то новое существо», потерю не только национального, но и собственно человеческого, торжество низменных проявлений человеческой природы, ранее регламентированных нормами нравственности: «Наступил праздник воли, грянуло неслыханное торжество всего, что прежде находилось под стражей нравственных правил, – и тотчас открыто объявило себя предводителем жизни таившееся в человеке дикобразе...». Демонстративный отказ молодого поколения от установленных предками правил, «крепящих нравственный порядок жизни» приводит к гибели не только государства, но, в перспективе, целой цивилизации. Последствия отказа от императива заветов развернуты в очерке в образе заброшенной, оставленной людьми деревни, зарастающей бурьяном; отсутствие моральной регламентации приводит к прогрессирующей энтропии, которая распространяется на все бытие. Нарушение духовной преемственности поколений ощущается как нарушение миропорядка: «В Новосибирске, сходя под холодный порывистый ветер, секущий снежинками, я вдруг заблудился: что сейчас – весна или осень? Сошел снег или еще не нашел, последний или первый под ветром?» [Там же].

Писатель не пытается постигнуть причины происходящей в сознании молодых духовной переориентации, полагая, что отрыв от корней произошел в результате ослепления «сиюминутным кушем» – легкой доступностью материальных благ. Молодые души поработаны «великими преобразователями», демонизируемыми, но сводимыми к участникам преднамеренного заговора по умерщвлению нации, России; молодежь намеренно поставлена в условия неограниченной свободы, вседозволенности, становясь исполнителем замыслов внешних врагов. Катастрофизм современной жизни усиливается ощущением стремительности этого процесса – сравнение увиденного во время полетов, разделенных тремя месяцами. В очерке возникает эсхатологический образ жестокого убийства страны: «Треск, стон, вздохи разрываемого тела, обнажившаяся плоть, открывшиеся гробы, спадающие с подножья отрываемой платформы» [Там же].

На протяжении 1990-х годов отношение В. Распутина к молодежи меняется¹. В начале 1990-х годов оно подчеркнуто негативно. Например, в интервью декабря 1993 года «Нет, не кончено с Россией...» В. Распутин, отказывая молодому поколению в приближении к долженствованию, считает, «...что из нашей молодежи не просто создается нечто с неясными результатами, а уже создан тип человека, совершенно новый, какого раньше и быть не могло. Тип человека безжалостного, циничного, поклоняющегося госпоже удаче, ради которой пойдет на все» [Р–К. С. 7]. Писатель в очередной раз указывает на виновника происхождения нового антропологического типа – новая культурная среда, созданная новыми средствами массовой информации, взвзвими на себя право давать ориентиры молодым, заместившими авторитет старшего поколения, совершившими «моральное растрление и убийство миллионов»: «Так их воспитали в последние семь-восемь лет телевидение, газеты, общественное мнение» [Там же]. В. Распутин соглашается с Ю. Власовым², «что мы потеряли не одно, а, вероятно, два-три поколения молодежи. Потеряли притом в окончательном смысле, делая их врагами исторической и национальной России» [Р–К. С. 8]. Средства массовой информации, заменившие общественное мнение, развращают молодых, будучи проводниками соблазнов чужого и доступного в условиях не востребоваанности опыта старшего поколения, разрушения самих механизмов передачи родового долженствования при распаде устойчивых рамок культурной среды. Парадоксально, отыскивая виновника, змея-искусителя молодых, Распутин редуцирует вину молодого поколения за то, что соблазнились, а главное, – ставит под сомнение безусловность, генетическую природу передачи духовного наследия, что позволяет говорить о демонизации как внешних врагов, так и идущих извне, привнесенных в Россию, атрибутов массовой культуры.

С середины 1990-х годов отношение В. Распутина к молодому поколению в новой России становится менее категоричным и однозначным.

¹ *Распутин В., Кожемяко В.* Последний срок: диалоги о России. 1993–2003. Трудные времена глазами писателя и журналиста / 2-е изд. М., 2006. 160 с. Далее интервью, вошедшие в сборник, цитируются с указанием этого издания [Р–К и страница].

² *Ю. Власов* – олимпийский чемпион по тяжелой атлетике, русский писатель, публицист и общественный деятель национально-патриотической ориентации. В публицистике Ю. Власова конца 1980 – середины 1990-х годов оценивается кризис государственной власти в России, событий 1993 года, «года Великого поражения».

В ноябрьском интервью 1996 года «Не тот победитель?» В. Распутин говорит о необходимости старшему поколению обратиться к познанию молодежи: «Мы склонны считать иногда, что молодежь, по крайней мере, большинство ее, для России потеряна. Этот случай¹ не может, разумеется, служить полным опровержением таких мыслей, но заставляет задуматься: а хорошо ли мы знаем свою молодежь?» [Р–К. С. 23]. Для публицистики писателя второй половины 1990-х годов такая оценочная модальность становится определяющей. На первый взгляд, на изменение оценки влияют личные амбиции, признанность или невосребованность писателя, однако представления о миссии писателя как проводника высшей истины в жизни и взгляды на природу творческого процесса, выраженные в критике и публицистике, могут свидетельствовать, что В. Распутин, относящийся к себе как к хранителю норм традиционной нравственности и живой связи с предшествующими поколениями, оценивает не собственное признание, а заинтересованность молодых людей в тех ценностях, которые он отстаивает.

В марте 1997 года, называя «впечатления обнадеживающие и радостные» («Всю жизнь я писал любовь к России»), В. Распутин свидетельствует, что «...молодая Россия не выбирает ни пепси, ни американскую культуру, ни чужую мораль», «мне пришлось убедиться в этом за последнее время и в Москве, и в Иркутске. Мое убеждение, разумеется, имеет оговорки, и даже серьезные, но в сути своей, я уверен, оно правильное» [Р–К. С. 40]. С молодым поколением связывается надежда на возрождение национальной России. В апреле 1998 года («У нас поле Куликово, у них – «Поле чудес») В. Распутин делится мнением, что «...молодежь-то как раз не «вышла» из России. Вопреки всему, что на нее обрушилось. <...> Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодежью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузах опять конкурсы – и не только от лукавого желания избежать армии, что все заметней они в библиотеках» [Р–К. С. 58–59]. В феврале 2000 года В. Распутин вспоминает празднование 200-летия А.С. Пушкина в Псковском университете («Рубеж горя и беды или все-таки

¹ Решение общественного жюри, в которое вошли около четырехсот московских студентов и старшеклассников, отдавшего победу в литературном конкурсе «Москва–Пенне» В. Распутину, а не Л. Петрушевской или Ф. Искандеру.

надежды?»): «...Тоже переполненный зал – и глубокие, преображенные лица студентов, отзывающихся на истинного Пушкина. <...> Совсем молодые в инстинктивном страхе отшатываются от того, что идет они в идущих поперек. Не так дружно и массово отшатываются, как хотелось бы, и все-таки заметно. Дай-то Бог!» [Р–К. С. 76]. Писатель обнаруживает в современных молодых людях этическую состоятельность и полноценность: «Молодежь теперь совсем иная, чем была мы, более шумная, открытая, энергичная, с жадной шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чуждость. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас – за глаза, что, возможно, воспринимает ее лучше патриотических лекций» [Р–К. С. 59].

Вина за потерю преемственности и все произошедшее в России теперь возлагается на старшее поколение, бросившее молодью без отеческого попечения, когда «разбирались между собой и своими партийными интересами», и на среднее поколение, противопоставляемое молодежи конца 1990-х: «Знаете, кто больше всего потребляет «грязную» литературу и прилипает к «грязным» экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не умеют отстоять свою личность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвердо, ичтуйтивно, но все-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству» [Р–К. С. 59].

Изменение отношения В. Распутина к молодому поколению может быть связано, с одной стороны, с приходом новой, отличной от предшественников рубежа 1980-х – 1990-х годов, генерации, с другой стороны, – с устойчивостью мифа писателя о народе, способном обновляться в следующих поколениях: «Понадобятся, мне кажется, годы, чтобы на поколениях, которые показали себя слабыми, отшелушилась кожа, пропитанная неуверенностью и отчаянием, и появилась новая. На молодежи она уже видна. Не на той, разумеется, молодежи, которая заражена наркотиками, безразличием и буржуазностью, а иной, мало пока заметной, но все увереннее нарождающейся, которой чувства обкраденности и одураченности переходят в волевые начала. А уж она, когда войдет в силу, найдет слова, как правильно переписать законы. Вот в это я верю! Хочу верить» [«И в душу лезут диверсанты». Январь, 2002. С. 115]. Национальная жизнь сохраняется в глубине народа и ищет выхода в молодом поколении, удерживая его от соблазнов чужого мира.

В этом контексте В. Распутин оправдывает рост популярности среди молодежи ультраправых идей, что трактует как неловкую попытку выразить национальный порыв («Краденый венец». Январь 1999): «Ребята, которых мы видим на экранах, соблазняются рыцарскими лозунгами, романтикой служения национальному возвышению после национального падения, они ищут организации, жаждут дела. А то, что столь искренние и благородные порывы находят именно это оформление, свидетельствует о кризисе нашего национального сознания, которое не может предложить им другой организации» [Р–К. С. 70]. В интервью отчетливо прочитывается оправдание в теории фашизма национального порыва, хотя В. Распутин предупреждает национально-патриотические силы от использования одиозной терминологии и атрибутики: «О фашизме серьезно рассуждал, говоря сперва о его плюсах и минусах, русский философ И.А. Ильин. Но он же позднее, после войны, предупреждал, что фашизм получил одиозную окраску и национальным движениям не следует пользоваться этим наименованием» [Р–К. С. 70]. Обращаясь к национализму – агрессивной форме национальной самозащиты, – писатель указывает на необходимость зрелого самосознания, основанного на традициях и культуре.

«Потепление» оценок молодого поколения со второй половины 1990-х годов свидетельствует не столько об объеме истолкования судьбы современного поколения, сколько о противоречивости восприятия писателем современной действительности. Реальность новой России не уместается в систему мировоззренческих установок В. Распутина; это препятствует целостному, философскому, осмыслению социокультурных изменений. В разных публикациях писатель делает противоположные заявления: «...Для нашей молодежи планка нравственных устоев действительно существенно понизилась. Но не упала. Разговоры же о том, что молодежь нынче стала не та, слишком американизовалась и многого не понимает, пустое. Старое, всегдашнее ворчание» – так комментируются в 2000 году митинги протеста российской молодежи против натовских бомбардировок Югославии¹. Иная оценка, похожая на «старое, всегдашнее ворчание», высказывается двумя годами позже: «Я все время всматриваюсь в лица людей.

¹ *Распутин В.* По-русски – значит по совести. Оптимистическая проза «пессимиста» Валентина Распутина / Беседу вела Т. Серебрякова // Рос. газета. 2000. 21 апр. С. 25.

К семнадцати годам на них уже все прописано. И последнее время все больше и больше вижу у молодежи равнодушие... Извините, грубо скажу, тупые лица. И не потому что ничего не понимают. А они с какой-то окорью. Как корой покрыты!»¹.

Образ молодежи в поздней публицистике не дифференцирован, В. Распутин выделяет две большие страты по принципу приобщенности к традиционной культуре: испытывающие потребность в возвращении к истокам, в приобщении к опыту отцов и денационализирующая молодежь («конструкции для приема информации и механических наслаждений»), избравшая чужие ценности и жизненные стратегии. Так же нерасчлененно характеризуется предшествующее — «советское» — поколение. При этом писатель указывает истоки национальной катастрофы конца 1980-х — 1990-х годов, объясняя тем самым и отчуждение отцов от детей, и легкую податливость молодого поколения духу экспансии извне.

В. Распутин выделяет исторический фактор кризиса преемственности². В переломах национальной истории XX века народ растратил накопленный за тысячелетие нравственный запас; население Советского Союза потеряло ценностные ориентиры и национальное чувство, бывшие прежде основными факторами сопротивляемости и выживания национального организма. Кризис связывается и с особенностями современной цивилизации, агрессивным обособлением современного человека от природы, с утратой естественных связей со всем бытием, с потерей духовной полноценности человека³.

¹ *Распутин В.* Чиновники забыли о людях / Беседа вел О. Нехаев // Рос. газ 2002. 4 июля. Прил. «Союз Белоруссия—Россия». С. 3.

² *Распутин В.* Смысл давнего прошлого. Религиозный раскол в России // Лит. Иркутск. 1989. Май. С. 8–9; *Распутин В.* Сумерки людей // Сельск. жизнь. 29.11.1989; Лит. Иркутск. 1989. Дек. С. 1–3; *Распутин В.* О чем звонят колокола... // Лит. Иркутск. 1990. Март. С. 2; *Распутин В.* Ближний свет издалека // Лит. Иркутск. 1990. Апр. С. 1–3; *Распутин В.* Интеллигенция и патриотизм // Лит. Иркутск. 1990. Ноябрь. С. 2–4. Оконч.: 1991. Янв. С. 1–3; *Распутин В.* Вниз по Лене-реке: Очерк // Наш современник. 1993. № 11. С. 95–111.

³ *Распутин В.* Сибирь без романтики: [Публицист. заметки] // Сибирь. 1983. № 5. С. 106–128; *Распутин В.* Моя и твоя Сибирь: Размышления писателя // Св. молодежь. 1984. 5 янв.; *Распутин В.* Миллионелетия Рольфа Эдберга // Сибирь. 1989. № 4. С. 100–106; *Распутин В.* Вниз по Лене-реке: Очерк // Наш современник. 1993. № 11. С. 95–111; *Распутин В.* Сколько лет будет в XXI веке? Предъюбилейные заметки // Вост.-Сиб. правда. 1994. 10 сент. С. 6, 11; *Распутин В.* Громкое имя — Сибирь: Очерк // Москва. 1998. № 7. С. 11–22.

Объективные факторы (национально-исторический и цивилизационный) определяют динамику кризиса и создают условия для его проводников. Вина власти в разрушении основ народной жизни акцентируется в публицистике В. Распутина с начала 1980-х годов. Союзные министерства и ведомства в ходе промышленного строительства разрушили природные условия, не учитывали человеческий фактор и человеческие интересы, сузив спектр ценностей в обществе. Ориентация советского образования на технические нужды и его идеологическая зашоренность привели к вытравлению национального духа и к моральной дезориентации общества. Эпохой беспамятства называет писатель советский период русской истории: «...Мы воспитали поколения людей, которые не восприимчивы к культурно-историческому наследию, догматически не только мыслят, но и чувствуют, с начисто отмершим органом, который позволял бы отделить временное от вечного»¹. В начале 1990-х годов В. Распутин говорил об истощении сил национального организма, об утрате способности к сопротивлению внешним воздействиям: «Нам досталось горькое по своей опустошенности наследию. Духовные и нравственные запасы почти исчерпаны. Национальные потенциалы, составляющиеся в условиях России в общественный, оказались изнурены не тем, что расходная часть в силу какой-то крайней необходимости, как в войну, превосходила доходную, а тем, что восполнением вообще пренебрегли»². В статье «Из огня да в полымя» (1990) ресурс национальной прочности метафорически сравнивается с ресурсом водных запасов Байкала, питаемого многими реками: если Байкал перестанет наполняться, его собственных водных запасов хватит на сто лет, но только при условии, что будут исключены другие разрушительные воздействия. Как утверждает писатель, это произошло с нацией, когда ее духовные ресурсы были необычайно быстро истощены – сначала советской властью, потом планомерной работой «перестроечной» власти и либеральной общественности.

Старшее поколение, жившее в советские времена, в массе своей утратило нравственную правду, не сохранило истинного способа

¹ *Распутин В. «Жертвовать собою для правды». Против беспамятства // Наш современник. 1988. № 1. С. 170.*

² *Распутин В. Из огня да в полымя // Распутин В.Г. Россия: дни и времена... С. 30.*

существования, не обеспечило преемственности с поколением собственных отцов, хотя разрыв не был так катастрофичен, как в новые времена. Утверждая необходимость следования опыту отцов, писатель напоминает не только о непосредственных предшественниках, но о вечной цепи поколений, о сформированной ими на протяжении многих веков культуре, о многовековой нравственной традиции.

Трактовка В. Распутиным проблемы поколений в публицистике 1990-х – начала 2000-х годов обнаруживает и противоречия, и верность его исходным мировоззренческим установкам. В публицистике этого периода проявляется «раскольническая», по определению некоторых критиков, позиция, заключающаяся в неприятии социокультурных и социально-исторических процессов, в принципиальной дифференциации от них¹. При этом писатель активно отстаивает свою традиционную (патриархальную) культурную парадигму. Категоричность суждений объясняется не только остротой личного неприятия отхода от национальных традиций, но и спецификой реакций традиционного сознания на коренные изменения жизни; консерватизм – свидетельство низкой адаптивности к динамике условий. Объективные социально-исторические процессы в современной России, вступающая в противоречие с системой ценностей писателя, приводят к тому, что его оценки становятся зависимыми от конкретной социальной конъюнктуры, публицистические заявления ведут к упрощению интерпретаций социальной действительности. Позиция писателя проясняется и становится более аргументированной в общем контексте его наследия, и не только публицистического. В. Распутин в публицистике с конца 1970-х годов декларирует общие законы развития природы и общества, систему всеобщих связей бытия, в которой существенное место занимают связи между поколениями рода, народа, человечества. Принципы взаимоотношений между поколениями он считает условием существования и человеческого рода, и природного космоса. Устойчивость системы мировоззрения отдаляет писателя от

¹ «Распутин – это слабое эхо протопопы Аввакума и – шире – всей раскольничьей традиции; тихий последыш грандиозного духовного бунта, не прекратившегося и по сей день. Это резко выделяет писателя среди всех «деревенщиков», делает его явлением по-своему исключительным». См.: *Басинский П. Memento mori. Валентин Распутин, большой и маленький // Лит. газ. 1992. № 44 (5421). 28 окт. С. 4.*

диалога с новым поколением, но способствует преодолению остракизма в оценке молодых, определяет надежды писателя на действие преемственности как онтологического закона, выправляющего родовые связи в новых поколениях. Разрыв в бесконечной цепи поколений в таком контексте воспринимается как противоестественный процесс, вызванный временными социальными искажениями. Кризис преемственности разыгрывается как социальная драма, тогда как в длительной исторической перспективе предполагает циклическое обновление народа, общества и культуры.